

Видя, что человек вот-вот начнет откровенно хитрить и капризничать, Нин Буюй почувствовала головную боль.

— Ты не мог бы поддерживать свой образ отрешенного гения?

В том и заключался главный минус излишней близости: друг перед другом они никогда не притворялись, являя миру свои самые настоящие лица.

Нин Буюй уперлась обеими руками в край кровати, пытаясь воззвать к его разуму:

— Я правда не могу помочь, иди-ка ты на зачисление сам, умница.

— Мы же теперь не маленькие, в игру «кто есть кто» уже не поиграешь.

С самого детства у них были абсолютно одинаковые лица.

Маленькими родители не могли их различить и были вынуждены снимать одежду, чтобы проверить пол.

Поэтому, сколько себя помнили, их любимой игрой с братом была смена личностями.

Одинаковые лица, одинаковые прически, да еще и одинаковая одежда с обувью — они только и делали, что то и дело всех разыгрывали.

Из-за этого до самой старшей школы Нин Буюй ходила исключительно с короткой стрижкой.

Конечно, родители такого не одобряли, и стоило им все обнаружить, виновных ждало наказание, зависящее от тяжести проступка.

Легкая степень — совместная парадигма воспитания от мамы и папы, средняя — от двух пар родителей, тяжелая — от трех.

Родители и родители родителей.

Поэтому, затеявая эту игру, они должны были не только тщательно скрываться, но и четко знать меру.

Чтобы в случае случайного провала и разоблачения не получить слишком сурового нагоняя.

Замена на учебе вроде этой была явным признаком дурного поведения, и попадись они — им

бы точно грозило тройное родительское воспитание.

Причем в самом буквальном смысле: ремень из семи волков, побеги ратанг для тушеных свиных ножек, удар хлыстом по каждой плоти — без каких-либо поблажек.

— Раскроют — ноги переломают, — попыталась освежить его память Нин Буюй о том, как приятно жжет кожа, когда ее протирают йодом после ремня.

Ю Гуаньци слегка вздрогнул, но все же проявил наглую смелость:

— Не раскроют, просто будем поосторожнее.

— Как это — поосторожнее? Мы ведь с тобой теперь, кроме лиц, во всем разные!

В третьем классе средней школы родители заставили Нин Буюй отрастить длинные волосы.

Не то чтобы очень длинные, но хотя бы такие, чтобы с первого взгляда было понятно — перед тобой девушка, и чтобы они могли различаться, стоя рядом.

Нин Буюй слегка опустила голову и внимательно оглядела лицо Ю Гуаньци.

Изящный овал, прямой нос с не слишком широкими крыльями, густые брови, ясный и глубокий взгляд.

Когда он не улыбался, от него исходило естественное ощущение холодной отчужденности, но стоило улыбнуться — и он становился похож на зимнее солнце, а при ближайшем рассмотрении в нем проступало даже что-то детское.

Чего уж там, утонченные черты черепа в сочетании с мягкой кожей делали это лицо невероятно выигрышным и для парня, и для девушки.

В Ю Гуаньци это добавляло некоторой мягкости, сглаживая излишнюю остроту его характера.

В Нин Буюй же это придавало легкий мужественный оттенок, наделяя весь ее облик чувством стойкости.

— Буюй? — жалобно позвал Ю Гуаньци, прерывая ее самолюбование.

Глядя на это точь-в-точь как у нее самой лицо, Нин Буюй заставила себя проявить твердость.

— Никакой осторожности тут не поможет, оставь эту затею, я не хочу получать тумачи в таком возрасте.

— Все получится, нужно только немного загримироваться, — не сдавался Ю Гуаньци.

— Твои волосы сейчас как раз не длинные, просто подровняй их, чтобы была такая же стрижка, как у меня.

У Нин Буюй тоже была короткая стрижка — просто за границей она так замоталась, что у нее не было времени следить за собой, а выглядеть безумной не хотелось, вот она и отрезала их покороче.

— Ты парень, а я девушка, — вздохнула Нин Буюй. — У нас даже физиологические особенности разные. Ты что, считаешь учителей и однокурсников в своем институте дураками?

— Насчет этого можешь не беспокоиться, я все продумывал, — Ю Гуаньци отпустил ногу Нин Буюй и сиял уверенностью.

— Я приготовил искусственный кадык, если приклеить, целый месяц продержится, к тому же водостойкий.

Ах да, со всем остальным младшей сестренке придется немного помучиться и утянуть грудь.

— У них в школе можно жить на вольных хлебах, при зачислении просто подашь заявление на аренду жилья вне кампуса. Я уже снял квартиру.

Это и было главной причиной, почему он вообще осмелился заикнуться об этом.

Жить не в общежитии — во всех смыслах гораздо безопаснее.

— В будни постарайся поменьше общаться с остальными, тем более что я на людях всегда держусь холодно и отстраненно.

— Тебе нужно лишь сосредоточиться на учебе и конспектах, а если получится еще и записывать мои лекции — вообще прекрасно.

— А военная подготовка... за нее тоже не переживай, через пару дней я раздобуду в больнице справку о переломе, а ты просто подашь заявление на отсрочку. В следующем году на летних каникулах я все отработаю.

Нин Буюй уставилась на выражение абсолютной готовности на лице Ю Гуаньци и слегка

прищурилась.

— А ты неплохо подготовился, — в ее голосе не было слышно никаких эмоций.

Но Ю Гуаньци понял, что пахнет жареным, и попытался изобразить невозмутимость:

— Нормально, нормально. В конце концов, я привык подходить к делу всесторонне.

— Хм, — холодно фыркнула Нин Буюй и скрестила руки на груди.

Сон у нее пропал окончательно.

— А рост? Ты выше меня.

— Всего на полголовы, наденешь обувь на чуть более толстой подошве да подложишь стельки — и все дела.

Среди девчонок Нин Буюй считалась довольно высокой.

— Ты что, всех остальных за идиотов держишь? — Нин Буюй захотелось постучать его по макушке.

Этот человек дома и на людях казался совершенно разным: дома у него, казалось, и вовсе отключались мозги.

— Подумаешь, если спросят, в худшем случае можно сказать, что я просто вытянулся, — Ю Гуаньци отнесся к этому с полнейшим пренебрежением, не видя здесь никакой проблемы.

Он ведь сначала был ниже, а потом вырос, а не наоборот — объясняется всё элементарно.

— Ты что, третий император Цин? — Нин Буюй едва не скрипела зубами. — Тоже мне, вырос.

— И что с того, мне ведь всего восемьдесят... то есть восемнадцать, строго говоря, даже еще нет, чуть-чуть не хватает.

— Ну и что, что подрасту? — Ю Гуаньци держался уверенно и независимо.

— Ничего хорошего, — лицо Нин Буюй оставалось ледяным и безжалостным. — Раз уж ты все спланировал, то и ступай сам.

Удачи тебе.

Помощничек.

Сказав это, она снова легла спать, больше не желая с ним возиться.

— Сестренка, без твоего участия этот план рухнет, ты мне нужна!

Ю Гуаньци прильнул к краю кровати и потянулся, пытаясь схватить ее за руку.

— Не нужна, ты и сам отлично справишься, надо верить в себя, мой дорогой братец.

Нин Буюй попыталась выдернуть руку, но Ю Гуаньци вцепился намертво; помучившись пару раз, она оставила все как есть.

— Иди на зачисление сам, свои пары посещай сам.

Нин Буюй окончательно бросила попытки разговаривать с глупцом.

— Но у меня дело, очень важное дело.

— Никакие дела на свете не важнее учебы.

— Оно правда очень важное, это моя мечта! Упусти я его — второго шанса уже не будет!

— Тогда возьми академический отпуск.

— Родители не согласятся, и в школе не разрешат.

При столь долгом отсутствии каникул добиться одобрения без чрезвычайных причин было невозможно.

— Тогда оставайся на второй год.

— Ни за что! — Ю Гуаньци уткнулся лбом в матрас. — Учиться в выпускном классе — это же сплошная мука!

— Как ты можешь быть такой! — обвинил ее Ю Гуаньци. — Ты же моя самая-самая близкая сестричка!

— На вступительных экзаменах такое колоссальное давление, как ты можешь заставлять меня проходить через это снова?!

— А как ты можешь так подставлять меня? — тем же тоном парировала Нин Буюй.

— Ты же мой самый-самый близкий братец!

Абсолютно те же голос, интонация и эмоции.

Ю Гуаньци:..... Заклинание дало сбой.

Но, услышав этот почти неотличимый от его собственного голос, он снова заволновался.

Стоит сестре согласиться, и победа окажется совсем близко!

Тогда он выпустил руку Нин Буюй и принялся кататься по полу.

Эти двое с самого детства вели себя именно так: стоило кому-то из них сделать не по-своему, как в ход шли капризы, валяние по полу и жалобные уговоры.

Даже родители не понимали, почему они крутятся на полу волчком, списывая все на обычное баловство.

Ничего не поделаешь, ведь они так легко поддавались на жалость друг к другу.

— Буюй-Буюй-Буюй, сестричка-сестричка-сестричка...

Слушая эти заунывные призывы Ю Гуаньци, Нин Буюй натянула одеяло прямо на голову.

— Сестричка-сестричка-сестричка-сестричка-сестричка...

Жаль только, одеяло защищало лишь от призраков, но было бессильно против звуковой атаки, сверлящей мозг.

— Заткнись! — вытерпев еще немного и окончательно потеряв терпение, Нин Буюй снова села на постели.

Глядя на человека, совершающего трехсотшестидесятиградусные кульбиты на полу, она сжала зубы:

— Не смей вытирать пол моим лицом!

Грохоту много, а толку ноль!

Нин Буюй схватила лежавшую на кровати игрушку и швырнула в него.

— Плевать, плевать мне, я всё равно добьюсь своего, если только ты не согласишься помочь!

Ю Гуаньци ловким перекатом увернулся от летящего снаряда.

<http://bllate.org/book/19351/1892118>